

В.Е. Науменко
Симферополь

Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: опыт первых контактов

В современной историографии существует постоянный интерес к вопросам политической истории Таврики конца VII – IX вв. Общеизвестно, что ее во многом определял характер взаимоотношений Византийской империи и Хазарского каганата, ключевых политических фигур на юге Восточной Европы в это время, протекавших, главным образом, на территории Крымского полуострова. Тем не менее, на сегодняшний день, существует необходимость специального исследования характера и динамики византийско-хазарских отношений и политико-административного статуса областей Таврики, затронутых ими. Недостаточно изученными в историографии традиционно остаются как основные принципы организации провинциального управления империи и каганата в регионе, так и проблемы происхождения и содержания административных институтов, возникавших в зонах контактов между ними. Лишь в последнее время делаются попытки в целом охарактеризовать эти проблемы [Noonap 1992, 109-132], систематизировав при этом свидетельства различных групп нарративных и вещественных источников [Айбабин 1999, 171-224; 2003, 53-67], либо коснуться отдельных аспектов данной проблематики [Цукерман 1998, 674-679; Могаричев 2002, 48-53; 2004, 163-174; Сазанов, Могаричев 2002, 469-501], предложив нетрадиционные подходы в оценке политико-административной ситуации на полуострове [Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, 209-267; Сорочан 2002, 509-525; 2002, 544-554]. В настоящей работе мы не ставили перед собой задачу рассмотрения особенностей византийско-хазарских взаимоотношений на территории Таврики в полном объеме. Ограничимся ранним периодом контактов империи и каганата на полуострове (до середины VIII в.), опыт которых, как нам представляется, во многом определил их дальнейший характер.

По отношению к истории Таврики хазары впервые достоверно упоминаются в рассказе Феофана и Никифора о пребывании в ссылке в Херсоне Юстиниана II и последовавших после возвращения его на престол «карательных» экспедициях императора в 710-711 гг. [Чичуров 1980, 62-65, 163-166; Mango 1990, 101-105, 107-113]. Этот сюжет является основой для реконструкции политико-административной ситуации на полуострове в конце VII – начале VIII вв. Однако, будучи неоднократно комментированным в специальной литературе, он, тем не менее, по-разному интерпретируется исследователями.¹

¹ Некоторую дополнительную информацию об этих событиях возможно почерпнуть из *Parastavseix suvntomoi cronikaiv*, анонимной хроники с дискуссионной датой, от «до 726 г.» до IX-X вв., где упоминается имя хазарского кагана *ilbouzhvrox Gliabavnoх* или *Gliabavnoх Cazavni*.

Доминирует мнение о распространении хазарского влияния на территории Таврики уже с конца VII в. После же известных событий 710-711 гг. под контролем Византии на полуострове остался лишь Херсон [Кулаковский 1996, 270-274, 280-284; 2002, 143-146; Якобсон 1958, 468-469; 1959, 36-40; Dunlop 1954, 171-174; Golden 1980, 60]. При этом зависимость внутренних областей Таврики (Готии) от хазар обозначается как «протекторат» [Артамонов 1962, 196-201; Айбабин 1999, 185-197]. Другая точка зрения предполагает складывание системы «протектората» в Готии, имевшей до этого нейтральный статус, лишь с 80-х гг. VIII в. [Васильевский 1876, 118-121, 144-148; Vasiliev 1936, 81-87]. Его неоднозначность А. Г. Герцен подчеркивает термином «византийско-хазарское пограничье», определявшимся вплоть до середины X в. рядом крепостей и областей горного и приморского Крыма и не имевшим постоянных очертаний [Герцен 1993, 58-64]. По мнению С. Б. Сорочана, зона контактов Византии и хазар в Таврике с рубежа VII – VIII вв. до учреждения фемы Климатов в 841 г. характеризуется системой «кондоминиума» («совладения») [Сорочан 2001а, 145-150; 2002, 509-525; 2004а, 333-343]. И. А. Баранов, придерживаясь тезиса о византийско-хазарском двоевластии на Боспоре с начала VIII в., полагает, что около 740 г. хазары аннексировали Восточный Крым и Готию [Баранов 1990, 146-148]. А. В. Гадло считает, что только карательные экспедиции Юстиниана II 710-711 гг. спровоцировали вторжение хазар в Таврику [Гадло 1989, 25, 30]. Даже этот, далеко не полный, историографический обзор показывает наличие у исследователей существенных разногласий при оценке как времени распространения хазарского влияния на полуострове (670-е годы, рубеж VII-VIII вв., 710-711 гг., 740 г., 780-е годы), так и особенностей византийско-хазарских отношений, обусловленных характером хазарской экспансии («аннексия», «протекторат», «пограничье», «кондоминиум»), что свидетельствует о нерешенности проблемы в целом. Обратимся к источникам.

Сообщение Феофана и Никифора о том, что карательные экспедиции Юстиниана II в 710-711 гг. были направлены против «херсонитов, босфориан и остальных климатов», а также то, что в кульминационный момент восстания «херсониты и жители других крепостей» с примкнувшими к ним византийской армией и флотом провозгласили нового императора (Вардана-Филиппика), слабо согласуется с традиционными представлениями о значительном военно-политическом присутствии хазар и подчинении полуострова каганату в это время. Скорее, наоборот, Таврика продолжала оставаться составной частью Византийской империи. В событиях 710-711 гг. не следует видеть византийско-хазарский конфликт или стремление местного населения выйти из состава империи. Причиной выступлений являлось недовольство политикой действующего василевса и не более того [Науменко 2001, 348; Науменко 2003, 429]. Исходя из этого, переворот Вардана-Филиппика представляется одним из многих, имевших место в Византии в 695-717 гг. [Herrin 1975, 15]. Тем не менее, такое заключение требует

родственника императора [Moravcsik 1958, IX, 136; Бешевалиев 1959, 9-10; Цанкова-Петкова 1960, 130; Golden 1980, 182-183; Каждан 2002, 396-400], а также у ряда более поздних византийских авторов X-XII вв. (Лев Диакон, Симеон Логофет, Кедрин) [Васильев 1927, 192; Чичуров 1980, 126; Лев Диакон 1988, 56]. Из числа источников, которые свидетельствуют о появлении хазар в Таврике уже в 50-е гг. VII в., следует исключить письма папы Мартина, находившегося в Херсоне в ссылке с 15 мая по 16 сентября 655 г. [Бородин 1991а, 173-190]. Более подробно об этом см.: Романчук 1981, 320-323; Сорочан 1995, 115-116; 2004б, 342-348; Айбабин 1999, 170.

объяснения некоторых спорных свидетельств источников, которые в литературе обычно привлекаются в качестве доказательства установления хазарского господства или «протектората» над областями Таврики к концу VII – началу VIII вв. Речь идет, во-первых, об использовании по отношению к «архонтам» Херсона и Боспора титулов не известных в византийской административной практике («тудун», «валгица»), во-вторых, о сообщении византийских авторов об особом статусе Дороса, находясь в котором Юстиниан II оказался недостижим для имперской администрации. Наконец, более «ритического анализа требует традиционная интерпретация археологических комплексов «раннехазарского времени», происходящих с территории полуострова. Попытаемся реконструировать административное положение приморских и горных областей Таврики, последовательно разбирая указанные спорные свидетельства источников.

Херсон. На протяжении второй половины VII – середины VIII вв. , безусловно, оставался форпостом византийского присутствия в регионе. В церковно-административном плане входил в состав Зихийской епархии [Dagrouzis 1981, 215]. Подпись херсонского епископа (Gewvrgiox ajnavxiox ejrivskorox Cersw'nox th'x Dovrantox) под актами Трулльского собора 682 г. свидетельствует о его церковной юрисдикции над областями горного и южнобережного Крыма [Ohme 1990, 151]. Ввиду лояльности политике Константинополя Херсон являлся местом ссылки политических преступников империи [Васильев 1927, 188-189; Чичуров 1980, 60, 62, 64, 163-164; Бородин 1991а, 173-190]. Археологические материалы отмечают сохранение городом на протяжении указанного столетия регулярных торгово-экономических связей с Византией [Романчук 1981, 319-331; 2000, 92-96; Айбабин 1999, 164-170; Голофаст 2001, 162-168]. С территории городища происходят моливдовулы разнообразных византийских корреспон-

² Из этого анализа следует исключить поселение Тау-Кипчак, охранные раскопки которого были произведены И. А. Барановым в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. [Баранов 1972, 248-250; 1981, 59-64, рис.2, 3; 1990, 26-33, рис.9-11, с.36-45]. Последовавшая затем частичная публикация их результатов, особенно двух «закрытых» археологических комплексов из хозяйственных ям №5 и №6, вызвали большой интерес у исследователей, занимающихся проблемами истории не только Таврики, но и в целом юга Восточной Европы в «хазарское» время. Традиционным стало использование хронологической схемы И. А. Баранова, в которой важное место занимают амфоры из упомянутых хозяйственных ям с керамикой салтово-маяцкого типа [Михеев 1985, 15; Славяне... 1990, 305-306; Сухобоков 1992, 32-33; Седикова 1997 13; Сазанов 1999, 39; Айбабин 1999, 190-194]. Между тем, использование Тау-Кипчака в качестве «эталонного» памятника для обоснования тех или иных хронологических посылок, на наш взгляд, проблематично. Со времени проведения раскопок так и не была осуществлена полная публикация его материалов с необходимым графическим сопровождением. Знакомство же с частично изданными материалами исследований и с методикой работы И. А. Баранова показывает произвольность большинства датировок, особенно при выделении раннего периода а жизни поселения (с середины VII – середины VIII вв.), основанных на неверно подобранных аналогиях, значительно «комолаживающих» памятник. На это уже обратил внимание А. И. Айбабин, который отнес, на основании керамического комплекса хозяйственной ямы №5, возникновение поселения Тау-Кипчак к рубежу VII – VIII вв. , а формирование комплекса хозяйственной ямы №6 к более позднему времени [Айбабин 1999, 192, 194]. Сделать какие-либо дополнительные уточнения сейчас проблематично, так как археологическая коллекция Тау-Кипчак депаспортизирована и разобщена по разным хранилищам.

Дентов [Соколова 1991, 203-213, №13, 27, 35, 37-39, 56, 57; 1992, 193; Алексеенко 1999а, 148, рис. 1, 9; 1999б, 68-69]. Печати византийских «коммеркиариев» и «архонта [апаттия]» свидетельствуют о его включении в систему организации производства и торговли шелком на территории империи [Соколова 1991, 206, 208, №10, 11, 26; Алексеенко 1997, 123, №1, 2].³ Их легенды отмечают маршрут поступления шелковых изделий в Херсон – из административных «апотек» на северо-западном побережье Малой Азии, главным образом, Константинополя. Торговые операции контролировались морской таможней Иерона, о чем свидетельствует печать ее «буллотира» [Алексеенко 1997, 126, №3], чиновника, входившего в ведомство столичного эпарха и опекавшего от его имени товары, подлежащие таможенному досмотру [Oikonomides 1972, 321].

Управление Херсоном на рубеже VII – VIII вв. осуществлялось советом «протонов», в число которых входили наиболее влиятельные и состоятельные жители, избиравшие из своей среды «протополита» – главу местного самоуправления [Зубарь, Сорочан 1998, 122; Дагрон 2000, 297; Зайбт 2000, 308]. Эта в целом общевизантийская модель муниципальной организации подвергается реформированию в связи с появлением нового фактора политической стабильности в Северном Причерноморье – Хазарского каганата. Первоначально, между 705 и 711 гг., среди лиц, осуществлявших верховную власть в городе, Феофвн и Никифор упоминают хазарского «тудуна» [Чичуров 1980, 64, 164], из чего, однако, совершенно не следует включение Херсона в состав каганата. Как известно, изначально одной из важнейших функций «тудунов» в системе управления «кочевых империй» авар, тюрок, хазар подчиненными народами был контроль за точным исполнением фискальных обязательств их правителей [Голден 1993, 217-219; Кычанов 1997, 120]. Для византийских авторов, использовавших для осмысления титула параллельную, понятную им, административную титулатуру («архонт», «эк просопу», «топотерит») [Чичуров 1980, 64, 164; Mango 1990, 108-109; Etimologicon Magnum 1967, 763.64], «тудун» Херсона, несомненно, представитель хазарской власти в городе с функциями контролирующего и ревизионного характера, который выполняет свои обязанности в иноэтничной области, зависимой от каганата, но сохранявшей свою внутреннюю автономию, что свидетельствует, скорее, о временном, исключительном характере его миссии [Науменко 2003, 432]. Действительно, после воцарения Филиппика II «тудун» исчезает как должностное лицо в системе управления Херсоном. Других же свидетельств о хазарской зависимости города в нашем распоряжении нет.

Неизменный в целом характер взаимоотношений Херсона с Византией, в условиях реального присутствия в городе специального чиновника, представлявшего интересы хазар в регионе, несомненно, отмечает его своеобразное политико-административное положение в 705-711 гг. Проблема заключается в сложностях, которые возникают у исследователей при попытке адекватно выразить этот статус с помощью современной терминологии. Поэтому лишь в качестве рабочей гипотезы мы готовы присоединиться к точке зрения, согласно которой статус Херсона в указанном промежутке времени определяется как город, расположенный в зоне «кондоминантного»

³ Об эволюции содержания института «коммеркиариев» подробно см.: Oikonomides 1986, 33-53.

управления Византийской империи и Хазарского каганата. Исходя из известных примеров содержания подобных округов в зоне византийско-арабских (Кипр, Армения, Грузия) и византийско-арабо-хазарских (Кавказская Албания) контактов, основными пунктами соглашения являлись демилитаризованность области и совместная торгово-финансовая политика его участников [Васильев 1902, 32; Константин Багрянородный 1991, 82-83; Гадло 1979, 154; Jenkins 1970, 1006-1014; Kyrris 1964, 149-175; Масуди 2002, 498]. Контроль за исполнением пунктов договора, очевидно, возлагался на главу местного самоуправления и хазарского тудуна.

С перипетиями событий 710-711 г. напрямую связан следующий этап преобразований верховного управления Херсоном, итогом которого стало появление в городе византийского «архонта». Данные сфрагистики и Тактикона Ф. И. Успенского, безусловно, свидетельствуют о непрерывном существовании этой должности на протяжении VIII – середины IX вв. [Oikonomides 1972, 56-57; Алексеенко 2002, 455-468, 490-493, приложение 1]. Лишь после учреждения фемы Херсон около 860 г. его функции, очевидно, были переданы стратигу нового военно-административного округа [Цукерман 1997, 316-317]. Для понимания содержания должности «архонта» чрезвычайно важным представляется анализ корпуса печатей этих чиновников, проведенный Н. А. Алексеенко. Единичность, редкая сменяемость чиновников, с учетом иконографии моливдовулов, легенды которых содержат упоминание разряда их владельцев в византийском «табеле о рангах» естественным делают заключение о государственном характере этой должности в городе [Алексеенко 2002, 474-475]. Все это позволяет рассматривать «архонта» как представителя византийской центральной власти в регионе, имперского функционера с широкими полномочиями вне системы муниципального управления [Айбабин 1999, 214-215; Шене 2000, 315-316; Алексеенко 2002, 475, 485-487]. В контексте политико-административной истории Византии появление в Херсоне провинциального «архонта» свидетельствуют, во-первых о включении области в разряд важных военно-стратегических регионов империи, где из-за сложностей политического и этноконфессионального характера не было возможностей осуществлять традиционную административную политику. Во-вторых, введение должности «архонта» в городе не означает ликвидации муниципальных институтов. Византийский чиновник исполняет контролирующие функции в наиболее важных сферах гражданской жизни, в первую очередь, в области фиска. В-третьих, «архонт» представляет интересы Византийской империи и собственно императора в регионе. Это не исключает исполнения подобной должности представителями местной знати, но нужно сказать, что такие случаи противоречили сути института «провинциальных архонтов» в империи и в целом негативно оценивались в Константинополе. Наконец, в-четвертых, появление имперского «наместника» и арест хазарского «тудуна» означали прекращение функционирования системы византийско-хазарского кондоминиума в городе.

Боспор. Наиболее важным аргументом сторонников гипотезы его захвата хазарами в конце VII – начале VIII вв., как уже говорилось, является использование Феофаном по отношению к «архонту» («правителю») города титула «Валгица» (Balgivtzix) [Чичуров 1980, 62-63]. Пожалуй, начиная с П. К. Коковцова, традиционно отождествляют «валгица» с «бул-ш-ци» Кембриджского Анонима, званием хазарского полководца Песаха, совершившего набег на византийские территории в Таврике в правле-

ние Романа I Лакапина (919-944) [Коковцов 1932, 118-119; Артамонов 1962, 347; Новосельцев 1990, 144; Zuckerman 1995, 256]. На этом основании делается заключение о присутствии наместника хазарского кагана на Боспоре уже с начала VIII в. Касаясь этого вопроса, следует подчеркнуть, что оба титула неизвестны в составе администрации кочевых империй Евразии в эпоху средневековья, а их этимология и содержание остаются до конца невыясненными [Новосельцев 1990, 144]. П. К. Коковцов предлагал переводить их как «начальник города, комендант» от старо-турецкого «балык» (город), Д. Данлоп – как «правитель», П. Голден – как «правитель города» или «держатель печати» для «валгица» и «помощник» или «гвардеец» для «бул-ш-ци» [Коковцов 1932, 118-119; Dunlop 1954, 172; Golden 1980, 165-169].

Из содержания интересующего нас фрагмента в Кембриджском Анониме ясно, что «бул-ш-ци» является титулом (должностью?) Песаха - «начальника, военного вождя» Самкерца (в переводе Н. Голба) и HMQR (Н. Голб в комментариях к тексту исправляет его на HPQYD – от *hāpāqid* – «командир»), который возглавлял военную и гражданскую администрацию Хазарского каганата в Приазовье с центром в Таматархе [Голб, Прицак 1997, 141, 147-148]. Однако, прямое перенесение функций хазарского чиновника в Самкерце (Таматархе) начала X в. с этим титулом на правителя Боспора в начале VIII в. не объясняет ряд важных моментов, содержащихся в византийских документах. Во-первых, нехазарское происхождение архонта Боспора подчеркнуто Феофаном и Никифором в отличие от наместника Фанагории, поставленного там непосредственно от лица кагана Хазарии. Обозначение чина последнего как *ejk proswvrou*, очевидно, является греческой интерпретацией хазарского титула «тудун» [Васильев 1927, 197]. Ясно, что область его деятельности не затрагивала территории Таврики. Об этом в какой-то мере свидетельствует поселение Юстиниана II, с разрешения хазарского кагана, в Фанагории, ближайшем по отношению к Крыму административном пункте, находившемся во введении его личных представителей. Во-вторых, участие «босфораниан» вместе с жителями Херсона и «остальных климатов» в мятже 710-711 гг. показывает, что в это время Таврика продолжала входить в состав Византийского государства, а причиной выступления было недовольство политикой действующего императора. В-третьих, на принадлежность Боспора Византии в начале VIII в. указывают медные монеты (3 экз.) императора Тиберия III Апсимара (698-705) с надчеканкой в виде греческой буквы «бэта» (b) [Голенко 1972, 212, 214; Грандмезон 1986, 211], которую исследователи расшифровывают как начальную букву названия города – B[osporvgox] [Голенко 1972, 212; Сидоренко 1997, 74-75; 2003, 376; Сорочан 2002, 521-522]. Точная дата надчеканки не известна. Ясно лишь, что она не слишком удалена от времени правления Тиберия III. Безусловно, такая операция с византийскими монетами, производившаяся на местном монетном дворе, была бы невозможна в «хазарском» городе. Зато она вполне логична в свете увеличения коллекции (до 15 экз.) монет императора Константа II выпуска 655/56-659 гг. с греческими буквами К (инициал имени (?) Константа II) и В (сокращение наименования монетного двора – B[osporvgox], большая часть которой (9 экз.) происходит из Керчи или ее округа [Сидоренко 2003, 374-376, 379, таблица XIII]. Таким образом, в нашем распоряжении имеются важные свидетельства о периодическом функционировании монетного двора на Боспоре и соответственно включении города в финансовую систему Византийской империи на протяжении второй половины VII – начала VIII вв. Наконец, в целом ана-

лиз нарративных источников показывает, что в это время западными рубежами Хазарского каганата являлись река Танаис (Дон) и Керченский пролив (Феофан, Никифор, «Армянская география» Анания Ширакаци) [Патканов 1883, 27-31; Чичуров 1980, 60-61, 161-162; Науменко 2001, 346-347; 2004].

Указанные противоречия письменных источников в отношении статуса Боспора вполне могут быть объяснены, на наш взгляд, в рамках гипотезы о существовании византийско-хазарского кондоминиума в регионе уже ко времени пребывания Юстиниана II в Фанагории. Некоторые наблюдения о внутреннем механизме этой системы следуют из внимательного чтения Феофана и Никифора [Чичуров 1980, 62-63, 163]. Во-первых, кондоминиумом, вероятно, был охвачен весь район Керченского пролива, включая территории как Европейского, так и Азиатского Боспора. Иначе трудно объяснить ту свободу передвижения византийского «архонта» из Боспора в Фанагорию, где он, совместно с местным «тудуном», должен был выполнять общее решение хазарского кагана и византийского императора – арестовать Юстиниана II. В таком случае и хазарский наместник, очевидно, обладал той же свободой передвижения в пределах зоны, на которую распространялось византийско-хазарское «совладение». Во-вторых, на территории действия кондоминиума, скорее всего, отсутствовали значительные воинские контингенты каганата и империи. Об этом свидетельствует замечание Феофана и Никифора об отправлении хазарским каганом охрвын Юстинивну II после заключения соглашения с императором Тиберием III под предлогом возможных козней для ссыльного со стороны его «соплеменников». В этом не было бы необходимости при наличии у хазарского наместника в Фанагории достаточных собственных воинских сил. Что же касается экономической сути договора, то здесь мы можем исходить лишь из наиболее общих соображений: речь, вероятно, шла о выработке совместной торгово-таможенной политики империи и каганата на берегах Керченского пролива. Контроль за функционированием системы кондоминиума был возложен на специальных чиновников: хазарского «тудуна» в Фанагории и византийского «архонта» на Боспоре. Хазарский титул последнего («валгица») сохранился в византийских источниках, но не получил в них должного объяснения. Эта двойственность титулатуры правителя Боспора, на наш взгляд, косвенно указывает на неоднозначность, в глазах византийских авторов, политико-административного статуса города в это время [Науменко 2001, 347-350].

Такого рода интерпретации данных письменных источников не противоречит, на сегодняшний день, и анализ археологических свидетельств [Макарова 1965, 70-76, 1982, 91-106; 1991, 121-146; 1998, 344-392; Айбабин 1999, 185-189; 2000, 168-174]. Мы уже отмечали, что нет достаточных оснований связывать открытые Т. И. Макаровой в портовой части Боспора, на бывшей Рыночной площади, на месте ранневизантийской постройки общественного (культурного?) характера, остатки сооружения с «хазарской цитаделью» [Науменко 2001, 349-350]. Ее строительные остатки, представленные двумя идущими параллельно, на расстоянии около 0,50 м, стенами с контрфорсами шириной 1,00-1,10 м каждая, сложенные на глине из подтесанных камней ракушечника в технике 3-хслойной 2-панцирной с забутовкой кладки, не содержат ничего специфически «хазарского», и поэтому нет необходимости искать ей аналогии на памятниках, определенно связываемых с хазарским фортификационным строительством в бассейнах Дона и Северского Донца. Интерпретация открытого Т. И. Ма-

характерной сложности осложняется отсутствием его полной планиграфии, что связано с недостаточной площадью, подвергнутой археологическим исследованиям. Без этого любые выводы в отношении характера постройки будут преждевременными. Все это показывает отсутствие каких-либо серьезных аргументов в пользу интерпретации открытых на бывшей Рыночной площади строительных остатков как «хазарской цитадели». Об этом же свидетельствует и состав керамического комплекса из слоя, связанного с ними. Датирующие материалы в нем (фрагменты «причерноморских» амфор, высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, византийской поливной посуды) относят формирование этого культурного горизонта, скорее, к IX в., а не к более ранней эпохе [Науменко 2001, 349]. Близкую дату, в пределах середины – второй половины IX в., предлагают и авторы специального исследования комплекса [Сазанов 1998, 64-69; Сазанов, Могаричев 2002, 475-488, 500-501].

В связи с таким заключением в отношении интерпретации археологических комплексов на бывшей Рыночной площади особое значение получают результаты исследования строительных остатков и связанных с ними культурных горизонтов VII-IX вв. в Кооперативном переулке в портовой части Керчи, произведенные А. И. Айбабиным в 1990-1992 гг. и достаточно оперативно опубликованные. По мнению автора раскопок, четыре жилых постройки и хозяйственное помещение конца VII – последней трети IX вв. сооружены на месте строений более раннего времени, погибших в пожаре, по нумизматическим находкам, между 654-659 и 686-687 гг., что свидетельствует о нападении и завоевании Боспора хазарами в указанный промежуток времени [Айбабин 1999, 185-187; 2000, 168-174]. В настоящей работе нет необходимости подробно рассматривать уже появившиеся в историографии критические замечания в отношении хронологии и этнокультурной интерпретации археологических комплексов на площади раскопок в Кооперативном переулке, особенно наиболее презентабельной постройки №12 [Науменко 2001, 350; Сазанов, Могаричев 2002, 488-500]. Подчеркнем лишь несколько моментов. Во-первых, строительные приемы, которые использованы при сооружении стен интересующих нас построек, безусловно, отличаются от техники как предшествующего, так и последующего времени. Однако, их детальная характеристика осложняется чрезвычайно плохой сохранностью строительных остатков. Графические материалы отмечают небрежный и не капитальный характер кладки строений, сильно пострадавших при последующем строительстве на месте раскопа. Эти «первокопы» отразились в стратиграфии участка и в составе керамического комплекса, в котором постоянно присутствует значительная «примесь снизу» материала более раннего времени. Во-вторых, презентативных находок, которые могут свидетельствовать об ином, негреческом происхождении обитателей жилых и хозяйственных комплексов чрезвычайно немного. Из этого следует преждевременность перенесения результатов исследований одного участка городища в целом на историю Боспора этого периода и необходимость продолжения археологических работ.⁴

В то же время, как показывают раскопки А. И. Айбабина, вполне вероятно оседание

⁴ Остаются неизданными результаты археологических работ еще на одном раскопе в центре Керчи, у северо-восточной подошвы г. Митридат, произведенные в 1990 г. А. Б. Занкиным, где были выявлены культурные горизонты и строительные остатки V-XII вв. Лишь сравнительно недавно была опубликована небольшая коллекция граффити на амфорной таре: Занкин 2001, 48-51.

на территории Боспора группы иноэтничного населения уже с конца VII в., хотя, судя по данным письменных и археологических источников, принципиальных изменений этнического и конфессионального характера в городе в «хазарский» период не произошло. По-прежнему производятся захоронения на территории раннесредневекового некрополя на северных склонах г. Митридат, с первой половины VIII в. — исключительно в плитовых могилах [Айбабин 1993, 128, 130].⁵ Город остается центром одноименной епископии, упомянутой в так называемой Нотиции Псевдо-Епифания (около 680 г.) [Dağouzis 1981, 215]. Под Символом Веры VI Вселенского Собора в Константинополе, утвержденном на его 18-м заседании 16 сентября 681 г., оставил подпись «Давид, смиренный диакон святейшей церкви в Боспоре и занимающий место почтеннейшего моего епископа Андрея» [Деяния... 1996, 240].

В историографии распространено мнение об оседании в рассматриваемый период вرامени отдельных групп протобулгар, вытесненных хазарами из Приазовья, в округе Боспора, на пустующих территориях или на руинах античных поселений Керченского полуострова [Гадло 1968а, 59-60; Баранов 1990, 8-9, рис. 1; Айбабин 1999, 190, рис. 7в]. Следует сказать, что на большинстве подобных памятников целенаправленные и систематические археологические раскопки не проводились. Информация о них основывается на результатах археологических разведок, сопровождавшихся визуальной фиксацией особенностей местности, сбором подъемного материала, реже шурфовочными работами. Исключением являются нукрепленные поселения («аилы», «стойбища») у п. Герзевское (современный п. Эльтиген) и д. Пташкино, на развалинах античных городищ Илурат и Тиритака, где культурные горизонты «хазарского» периода изучались экспедициями под руководством В. Ф. Гвидукевича, В. Н. Зинько и А. В. Гадло [Гвидукевич 1940, 190-204; 1952, 67-72, 133-134; 1958, 134-138; Гадло 1968б, 78-84; 1969, 160-168, 1980, 130-145; Баранов 1990, 8, рис. 1; Айбабин 1999, 185, 190, 194; Зинько, Пономарев 1999, 185-206; 2001, 147-157; Пономарев 2000, 116-119].⁶ Однако, приводимые археологические аргументы для отнесения их времени возникновения к концу VII — началу VIII вв. выглядят далеко не бесспорными. К ним относятся, прежде всего, стратиграфические наблюдения и присутствие в керамических комплексах поселений крайне немногочисленных фрагментов коричневоглиняных амфор с сужением корпуса (так называемых амфор «с перехватом») [Айбабин 1999, 185, 190, 194].⁷

Первая посылка («анализ стратиграфии») может быть применена лишь к «салто-

⁵ О существующей источниковедческой базе для реконструкции топографии раннесредневекового Боспора см.: Пономарев 2002, 204-205.

⁶ Несколько поспешно к числу «салтоаских» поселений, возникших в конце VII — начале VIII вв., отнесены «Эльтиген юго-западное» и «Эльтиген западное» [Зинько, Пономарев 2000, 189]. Первое не подвергалось еще археологическим раскопкам, и соответственно выводы в отношении его периодизации основаны на анализе подъемного материала, среди которого встречаются фрагменты керамики значительно более позднего времени. Результаты раскопок поселения «Эльтиген западное», расположенного на территории некрополя античного городища Нимфей, полностью не изданы. Присутствие же небольшого количества лепной керамики в комплексе единственной опубликованной землянки [Власова, Соловьев 1996/1997, 202, рис. 12, 13] еще не является основанием для определения даты возникновения памятника «где-то в конце VII — первой половине VIII вв.» [Зинько, Пономарев 2000, 189].

⁷ К сожалению, в публикациях практически полностью отсутствуют нумизматические мате-

во-маяцкому» поселению на месте Тиритаки, где В. Ф. Гайдукевич в общей публикации материалов раскопок отмечает наличие сплошного стратиграфического горизонта VIII-IX вв. Однако, сам же исследователь подчеркивает, что строительные остатки, связанные с ним, сооружены на «насыпи», накопившейся спустя некоторое время на руинах поселения V-VI вв. (участки XIII и XIV) [Гайдукевич 1952, 72, 100]. Таким образом, вывод о прямой связи между разрушением Тиритаки и вторжением хазар на полуостров неправомерен.⁸ Подобное заключение можно сделать и в отношении Илурата, где отдельные средневековые постройки возникли уже на месте руин античного городища и существовали недолго, о чем свидетельствует практически полное отсутствие «слоя» и археологических находок VIII-IX вв. за их пределами [Гайдукевич 1958, 134-136, 138]. Незаселенными к моменту появления «салтовцев» оказались территории вокруг Героевского и Пташкино. Оседающие кочевники свои постройки сооружали непосредственно на материковой поверхности либо на слое эллинистического времени. Здесь также не зафиксирован сплошной культурный горизонт на площади поселений [Гадло 1968б, 78-79; 1980, 130; Зинько, Пономарев 1999, 187].

Говоря о хронологии керамических комплексов «салтово-маяцких» поселений на месте Тиритаки, Илурата, Пташкино и в окрестностях Героевского, следует отметить следующие моменты. Во-первых, по своей структуре они на редкость однородны: датируемыми находками являются фрагменты «причерноморских» амфор различных типов и вариантов, высокогорлые кувшины с плоскими ручками, салтово-маяцкая керамика, украшенная чаще всего линейно-волнистым орнаментом, сплошным рифлением или полосами лощения, красноглиняные кувшины с воронковидным или ойнохоевидным горлом с пальцевым вдавлением в месте прилепа к нему ручки, редкие находки ранневизантийской белоглиняной поливной керамики (поселения Героевка (раскопки А. В. Гадло 1962 г.) и Героевка-6) [Гайдукевич 1952, 51-52, 72, 103-105, 127-130; 1958, 135-136, рис. 149; Гадло 1968б, 80, 83; 1969, 163, 164, 167; 1980, 133-136, 140-143, рис. 6-8; Зинько, Пономарев 1999, 188-201, рис. 1, 2, 4; 2000, 187-191; 2001, 148-150, 153-156; Пономарев 2003а, 217-221, рис. 1-3]. Учитывая уже отмеченную, на основании стратиграфической ситуации, кратковременность существования памятников, а также немногочисленность фрагментов высокогорлых кувшинов и ранневизантийской поливной керамики, логичной представляется датировка «салтовских» поселений на месте Тиритаки, Илурата, Пташкино и в окрестностях Героевского (Эльтигена) в пределах второй половины/конца VIII – середины/второй половины IX вв. Во-вторых, присутствие в керамическом комплексе рассматриваемых памятников редких фрагментов коричневоглиняных амфор «с перехватом» в этом случае следует классифицировать как обычную «примесь снизу» более раннего по времени матери-

риалы, за исключением бронзовой с отверстием монеты императора Константа II (641-668) найденной на раскопе VIII поселения Героевское в 1964 г. [Гадло 1969, 164], а также монету Константина IV Погоната (668-685), случайно обнаруженной близ Тиритаки [Якобсон 1958, 470]. О хронологии амфор «с перехватом», верхнюю границу бытования которых не выводятся обычно за пределы VII в., см.: Романчук, Сазанов, Седикова 1995, 16, класс 1; Sazanov 1995, 90, туре 11.

⁸ На этом акцентировал внимание еще А. Л. Якобсон, относивший появление салтово-маяцких поселений в Восточной Таврике, в том числе и на месте Тиритаки, лишь к концу VII – началу IX вв. [Якобсон 1958, 469-470].

ала.⁹

Сугдея. В отношении политико-административного статуса Сугдеи в конце VII – начале VIII вв. в историографии существуют несколько точек зрения. Одни исследователи полагают, что с начала VIII в. город находился под контролем хазар [Васильевский 1915, *CLXIII*], который выражался в присутствии здесь наместника кагана с титулом «тархан» [Якобсон 1958, 468] и функционировании хазарской таможни [Айбабин 1999, 205]. Другие выделяют особый, рвневизантийский, период в истории Сугдеи, в пределах конца VII – середины VIII вв., когда на месте будущего города существовала небольшая византийская крепость с портовой слободой, важный региональный торговый и таможенный пункт, обслуживающий корабли, совершавшие каботажное плавание между Херсоном и Боспором и игравший определенную роль в торгово-экономических связях Византийской империи с Северным Причерноморьем [Баранов 1987, 19-21; 1989, 47-49; 1990, 11, 46-47, 55; 1991, 145-149; Баранов, Степанова 1997, 85; Шандровская 1995, 122-123; Степанова 2001, 98-100]. Компромиссный характер носит гипотеза С. Б. Сорочана. С одной стороны, он также видит в Сугдее, с момента ее основания, провинциально-византийский торговый и промыслово-ремесленный центр, где функционируют имперские таможенные службы и складировются восточные товары, поступающие на территорию Византии через земли Хазарии по ответвлениям Великого Шелкового пути. С другой стороны, отмечая непосредственную подконтрольность «торжища» администрации Херсона, подчеркивает, что «долгий выгодный альянс с хазарами» империи мог быть реальным лишь в условиях византийско-хазарского кондоминиума по отношению к важнейшим приморским центрам Крыма, в число которых входила Сугдея [Сорочан 2001б, 291-292; 2002, 516-520; 2004а, 333-343].

В историографии обычно возникновение Сугдеи относят к середине – третьей четверти или не ранее последней четверти VII в. [Баранов 1991, 145; Баранов, Майко 1994, 99; Айбабин 1999, 194]. В целом эта гипотеза представляется достаточно обоснованной, так как выстроена с учетом данных археологических исследований и материалов сфрагистики, а также максимально приближена к наиболее ранним надежно датированным свидетельствам письменных источников о существовании поселения, очевидно, торгового характера, на месте Сугдеи. А. И. Айбабин показал, что таковыми являются печать 696-697 гг. (10-й индикт) «Кириака [апоипата и главного] логофета аптеки Константинополя, Т...» [Шандровская 1995, 120-121] и близкое ей хронологически (около 660 г. или начало VIII в.) сообщение Равеннского Анонима о ряде топонимов в Крыму и Приазовье, среди которых вслед за «землей Готов» (*Getho Githorum*) следуют «Сугдея» (*Sugdabon*), «Фанагория» (*Fanagorum*), «Меотидское озе-

⁹ В публикациях таких случаев, действительно, немного: «фрагменты амфор VI-VII вв.» из заполнений ям-погребов к востоку от двухкамерной постройки на раскопе V, открытой в Героевке в 1964 г. [Гадло 1969, 165], фрагменты «грубой удлинённой амфоры с перехватом, на внутренней стороне которой сохранились остатки перегоревшей смолистой массы» из ямы 4 к северу от полуземлянки на раскопе II в Пташкино [Гадло 1980, 135]. Наконец, недавно опубликован фрагмент дна такой амфоры, происходящий из заполнения «очага» первого периода функционирования «святилища» (?) у с. Заветное. Л. Ю. Пономарев датирует комплекс (?) серединой VIII – 40-ми гг. X вв. и справедливо исключает «амфору с перехватом» из числа датированных находок [Пономарев 2003б, 268-270, 273, рис.6, 4].

ро» (*paludis Maeotidon*) [Vasiliev 1936, 42]. В то же время, безусловно, предлагаемая дата возникновения городища носит предварительный характер, отражая стадию введения в научный оборот значительной массы археологических материалов, которые способны не только существенно скорректировать ее, но и расширить наши представления о топографии и характере хозяйственно-экономической деятельности населения ранней Сугдеи [Фронджуло 1974, 139-141; Баранов 1987, 19-21; 1989, 47-49; 1990, 55-57, 133; 1991, 145-149; Баранов, Майко 1994, 99-102; 1995, 71-80; 2001, 98-100; Баранов, Майко, Джанов 1997, 40-41, 45; Баранов 2003, 4-16]. Однако, здесь необходимо констатировать их в целом выборочную опубликованность, немногочисленность и зачастую плохую сохранность, относительный и дискуссионный характер датировки, что вынуждает нас, на сегодняшний день, исключить данную группу источников из анализа проблем ранней политико-административной истории Судакского городища. Последние решаются по-прежнему на основании изучения письменных свидетельств [Архимандрит Антонин 1863, 595-625; Васильевский 1915, CCVIII-CCXVI, 72-98; Vasiliev 1936, 42; Иванов 2002, 40-43] и особенно сфрагистических находок (около 500 моливдовулов и свинцовых заготовок к ним), обнаруженных компактно в 1977-1995 гг. во время изучения затопленной морем прибрежной части Сугдеи на глубине около 2 м, что дает основание связывать их происхождение с городским и таможенным архивом документов [Шандровская 1995, 119-123; Степанова 1995, 13-15; 1997, 171-176; 2001, 97-100, 106-107; 2002, с.231-232; Баранов, Степанова 1997, 83-87; Степанова 1999, 47-58]. Следует признать, что именно материалы сфрагистики дают наиболее надежную и объективную, хотя и неполную, информацию об особенностях политико-административного положения города в это время.

На сегодняшний день, в научный оборот введено около 50 моливдовулов, хотя в предварительной сводной хронологической таблице отмечена 131 печать, легенда или хотя бы сфрагистический тип которой удалось, вероятно, дешифровать [Степанова 2001, 107]. К раннему периоду существования архива (приблизительно до середины VIII в.), который начинает складываться, очевидно, с момента появления поселения на месте Сугдеи, относятся 15 моливдовулов из числа опубликованных (11,5 %) [Степанова 2001, 107]. Достаточно четко они делятся на три группы: византийских чиновников (5 экз.), представителей городских (?) служб (2 экз.), частных корреспондентов (7 или 8 экз.), некоторые из которых, возможно, также имели местное происхождение.

Анализ печатей первой группы ясно показывает включенность Сугдеи в указанный период времени в торгово-финансовую систему Византии и существование здесь еще одного, помимо Херсона, таможенного пункта империи, связанного, в первую очередь, с торговлей шелковыми изделиями. Об этом свидетельствуют печати «коммеркиариев», «императорских коммеркий» и «[главного] логофета». Первые представлены буллами с двусторонними надписями - «Анастасия, ипата, императорского валнатора и коммеркиария аптеки Онориады, Пафлагонии и побережья Понта» и «Иоанна, ипата и главного коммеркиария аптеки Онориады, Пафлагонии и побережья Понта», вторые - датированными печатями с неперсональной надписью и указанием индикта на реверсе: «... императорских коммеркий епархий Богохранимого императорского Опсикия. Индикт 14 (745/746 гг.)» и «... императорских коммеркий ... вплоть до Полемония. Индикт 4 (735/736 гг.)» [Шандровская 1995, 121-122; Степанова 2002, 232].

Несмотря на отсутствие указаний индиктов на молиядовулах «коммеркиариев», они также датируются небольшим промежутком времени. В. С. Шандровская относит их к периоду совместного правления Льва III и Константина V – 720-741 гг., погрудное изображение которых присутствует на аверсе булл [Шандровская 1995, 122]. Однако, эту датировку возможно уточнить. Во-первых, с 730/731 гг. печати «апотек» и «коммеркиариев» сменяют молиядовулы «императорских коммеркий» [Oikonomides 1986, 41]. Во-вторых, известен ряд булл интересующих нас Анастасия и Иоанна, позволяющих сузить хронологию судакских экземпляров до второй половины 20-х гг. VIII в. [Лихачев 1991, 214-217, табл. LXXIII, 3-6; Шандровская 1995, 121-122].

Найденные в Судаке печати «коммеркиариев» (частные лица) и «императорских коммеркий» (государственные чиновники), датированные 20-40-ми гг. VIII в., непосредственно связаны с организацией торговли шелком в Византийской империи в это время. Легенды указанных молиядовулов отмечают маршрут поступления шелковых изделий в Сугдею – из административных «апотек», расположенных на северо-западном побережье Малой Азии. Вероятно, этими подвесными буллами были опечатаны специальные коробки с товаром, качество которого гарантировало изображение императоров на них. Такое объяснение появления молиядовулов нам кажется более вероятным, чем попытка С. Б. Сорочана связать их с восточными товарами, поступавшими в «византийские портовые центры через хазарские земли по ответвлениям Шелкового пути», начинавшимся в далекой Восточной Азии [Сорочан 2001б, 291].

Анализируя содержание печатей коммеркиариев, необходимо коснуться еще одного момента. В легендах булл Анастасия, в том числе из Судака, он носит придворное звание (титул, должность или почетная функция?) «императорского валнитора» [Лихачев 1991, 214-216; Шандровская 1995, 121]. Термин «валнитор» (balnitwr) плохо объяснен в специальной литературе, вероятно, потому, что он известен исключительно по сфрагистическим памятникам. Начиная с Б. А. Панченко, его производят от лат. Balnitor (balneator) = греч. οὐ βαλανεύων («банщик») и сопоставляют с придворным евнухом «нипсистерием» (nivistavriox), имевшим почетную функцию присутствовать при омовениях императора [Лихачев 1991, 216; Oikonomides 1972, 301]. Евнухи с титулом «нипсистерий» известны по Тактикону Филофея и трактату Константина Багрянородного «О церемониях» [Oikonomides 1972, 124-125].

Еще одной печатью первой группы с императорским изображением является молиядовул «Кириака [апоипата и главного] логофета аптеки Константинополя, Т... Индикт 10 (696/697 гг.)» [Шандровская 1995, 120-121]. Анализ его легенды (относительно низкий титул владельца в византийской «табели о рангах», упоминание «апотеки») и привлечение подобных булл от конца VII – начала VIII вв. показывает, что перед нами хороший пример совмещения одним лицом права сбора прямых налогов и организации торговли шелком в пределах «апотеки», которая в этом случае выступает в роли административного и фискального округа одновременно [Oikonomides 1986, 46]. Скорее всего, молиядовулом Кириака была опечатана коробка с шелковыми изделиями. Маловероятно появление его в Судаке в связи с исполнением «логофетом» своих прямых обязанностей и соответственно вхождением Сугдеи в одну налоговую единицу вместе с Константинополем и другими неизвестными топонимами в легенде.

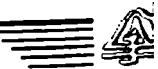
Молиядовулы с крестообразной монограммой на аверсе, принадлежащие «Иоанну табулярию» (VII в.) (tab[ou]larivw) и «Петру хартулярию (?)» (первой половины VII

в ?) (*cartoulariivw* ?) [Степанова 1997, 171-172, №1, 2; Stepanova 1999, 50-51, №3, 6] условно могут быть выделены в группу печатей муниципальных (?) служащих. Возможность такой интерпретации обосновывается содержанием легенд булл, в которых отсутствует указание на государственный или подконтрольный государству характер службы и ранг их владельцев в чиновничьей иерархии Византии, и значением указанных терминов.

«Табуляриями» в позднеримских источниках называли гражданских муниципальных служащих, производивших оценку имущества горожан и принимавших участие во взимании с них налогов [Джонс 1997, 289]. В этом смысле они идентичны римским *pignegarios* [Джонс 1997, 224]. Между тем, в историографии традиционно считается, что обязанности «табуляриев» подобны функциям «номиков», входивших в ведомство Константинопольского эпарха, - нотариусов, составлявших муниципальные акты и скреплявших записи граждан своими печатями [Oikonomides 1972, 321; Guiland 1980, 25; Степанова 1997, 172]. Такое заключение требует дополнительных обоснований, так как известно, что в ранневизантийский период такие нотариусы, составлявшие завещания, документы для передачи прав или имущества, договоры об аренде, различные виды контрактов и так далее, назывались по-иному – *tabelliones* [Джонс 1997, 270-271]. В любом случае, как бы мы ни оценивали содержание термина «табулярий» в легенде представленного моливдовула (муниципальный оценщик имущества, частный нотариус или нотариус в системе городских служб), ясно, что перед нами лицо, присутствие которого в жизни любого населенного пункта империи выглядит обычным явлением.

Фрагментарность надписи в легенде печати «хартулярия» Петра создает сложности при ее интерпретации, так как в административной системе ранней Византии известно множество лиц с подобным титулом. Однако, всегда основные обязанности этих гражданских чиновников были связаны с записью документов, их регистрацией в книгах (кадастрах, реестрах и тому подобное) и пополнением последних [Oikonomides 1972, 310]. В римских префектурах «хартулярии» выполняли сходные функции ежегодно избираемых секретарей. Они отмечены также в ведомствах городских префектов и глав провинций [Джонс 1997, 288]. С утверждением «фемной системы» в Византийской империи «хартулярии» входят в состав аппарата управления различных императорских служб, «логофисий», тагм и фем, занимая высокое служебное положение [Oikonomides 1972, 364 – *addenda*, 397 – *index*]. Однако, их полномочия принципиально не изменяются. В этой связи неубедительной выглядит предположение О. И. Бородина о том, что в административной системе византийской Италии середины V – середины VIII вв. *chartularii* являлись военными правителями отдельных частей «дукатов». Приводимые им примеры известного по письмам папы Григория Великого (590-602) Стефана, хартулярия «морской области» (*marinarum partium*) на Сицилии, и римского хартулярия Маврикия в начале 640-х годов, о деятельности которого сообщают «Деяния римских понтификов», отнюдь не свидетельствуют об изменении содержания их должности [Бородин 1991, 75]. Деятельность последнего (иницирование разгрома папской сокровищницы в Латеранском дворце в 640 г. римским гарнизоном, попытка мятежа против равеннского экзарха Исаакия в 642 г. [Бородин 1991, 80]) скорее указывает на высокие политические амбиции хартулярия, продолжавшего исполнять обычные для этого чиновника обязанности (секретарь, глава архивной службы).

дуката). Учитывая изложенное, во владельце печати «хартулярия», найденной в Судаке, мы склонны видеть лицо, связанное с городским архивом, возможно, возглавляющее эту службу.

Причисляя «табулярия» Иоанна и «хартулярия» Петра к числу муниципальных служащих ранневизантийской Сугдеи, мы осознаем и наиболее важный контраргумент для этой гипотезы: отсутствие топонимического указания на место их службы в надписи моливдовулов. Однако, его серьезность кажется преувеличенной. Во-первых оба владельца печатей, как уже подчеркивалось, не являлись государственными служащими, что отражено в легенде булл. Во-вторых, существование службы частных нотариусов и местного архива обычно для населенных пунктов Византии, исполнители которых не входили в состав местной управленческой верхушки, но были известны любому жителю этого социума. Их полномочия не выходили за пределы определенной городской (или какой-либо другой) общины, поэтому и не было необходимости указывать на моливдовулах место их службы. Сказанное, в совокупности с информацией о месте находки, и определяет, на наш взгляд, принадлежность владельцев указанных печатей к числу муниципальных служащих Сугдеи низшего ранга.

Наконец, отдельную группу составляют моливдовулы частных корреспондентов на которых присутствует лишь имя и зачастую почетный титул владельца в византийской «табели о рангах». На сегодняшний день, таких печатей известно семь: Адриана апоипата (VI-VII вв.), Стратигия (?) ипата (VII в.), Феодосия (VII в.), Андрея апозпарха (VI-VII вв.), Адриана (или Андрея ?) (VII в.), N. ипата (VII в.), Сисинния ипата (вторая половина VII – первая половина VIII вв.) [Степанова 1997, 172, №3; 2002, 231-232; Степанова 1999, 50-52, №4, 5, 7-10]. Как и в случае с буллами «табулярия» и «хартулярия» из Судака, отсутствие топонимических указаний в надписях этих печатей свидетельствует, что, по крайней мере, часть из них принадлежала жителям Сугдеи.

Дорос. Напомним, что, по Никифору и Феофану, в эту крепость, лежащую «в земле готов» (Никифор), базил около 704-705 гг. из Херсона опальный император Юстиниан II. Отсюда он установил сношения с хазарским каганом [Чичуров 1980, 39, 62, 155-163; Mango 1990, 100-101]. Правомерна гипотеза А. Г. Герцена о включении «Дороса» в число анонимных «крепостей» («городков», «областей», «климатов», «архонтий»), которые, по обвинению в заговоре против Юстиниана II, вместе с Херсоном и Боспором должны были быть наказаны во время карательных экспедиций в Таврику в 710-711 гг. [Герцен 2002, 30]. Обращение во время этих событий их жителей к хазарскому кагану за военной помощью, отсутствие каких-либо упоминаний о хазарах в византийских источниках по отношению к Доросу, четкая связь у Никифора месторасположения последнего с областью расселения готов делает справедливым заключение А. Г. Герцена о том, что «в контексте этих сведений Дорос не может рассматриваться в период данных событий как крепость, уже принадлежащая хазарам» [Герцен 1993, 59; 2002, 30]. Этот вывод основан также на комплексном анализе источников, полученных во время многолетних систематических археологических исследований Мангупского городища и его округа. Согласно концепции автора раскопок, ранневизантийский период в истории крепости, построенной Византией в середине VI в. для своих федератов – готов и алан, завершается в конце VIII в. Как показывают результаты археологических работ, на всем протяжении этого промежутка времени принципиальных изменений в материальной культуре и этническом составе населения городища

не произошло: функционируют раннесредневековые могильники конца IV – VIII/IX вв., базилика в центральной части плато, на значительной площади городища выразительно представлен культурный горизонт VI–VIII вв. Крепость сохраняет свою провиантскую политическую, идеологическую и торгово-экономическую ориентацию. Материальных следов пребывания хазар обнаружено на городище немного, к тому же все они относятся, вероятно, к периоду кратковременного их господства в регионе в конце VIII – середине IX вв. [Герцен 1990, 109, 113, 119, 133-137; 1995, 86-87; 1997, 33-34; 1998, 118-119; 2001, 11-13; 2002, 29-33; 2003, 17-19].

Уже говорилось о подчинении в церковно-территориальном отношении области Дори, политическим центром которой являлся Дорос, Херсонской епархии на основании подписи епископа Херсона Дорийского Георгия под актами Трулльского собора 692 г. в Константинополе [Ohme 1990, 992]. Эта ситуация вряд ли изменилась, по крайней мере, ко времени Лже-Вселенского иконоборческого собора 754 г., решения которого лично одобрил «тогдашний епископ Готии», о чем сообщает Житие Иоанна Готского [Васильевский 1876, 126]. Содержание агиографического памятника отнюдь не свидетельствует о существовании в это время самостоятельной Готской епархии.

В контексте политико-административной истории Дороса большой интерес вызывают нумизматические находки, представленные «кладом» из восьми монет, обнаруженным среди квмней насыпи-террасы, у тыльной стороны укрепления А-I на западном склоне м. Чамну-бурун Мангупского плато в 1978 г. Стратиграфические наблюдения связывают сокрытие «клада» со временем ремонта куртины, возведенной в середине VI в. В его состав входят семь монет, изготовленных из бронзы или меди, имитирующих солид Льва III Исавра выпуска 725-732 гг., и литая бронзовая херсоно-византийская монета с большой «В» на аверсе и изображением креста с перекрестиями на концах на оборотной стороне, которая во многом определяет дату «клада» [Герцен, Сидоренко 1988, 123-128]. И. В. Соколова относит ее ко времени Василия I (867-886) [Соколова 1983, 33], тогда как А. Г. Герцен и В. А. Сидоренко, основываясь на слабо видимых следах перечекировки на обеих сторонах монеты – к подражанию редкого типа номисмы периода совместного правления Льва III и Константина V (720-741) [Герцен, Сидоренко 1988, 131-133].

Авторы публикации Чамну-бурунского «клада» полагают, что варварские подражания Мангупского городища указывают на функционирование монетного двора в Доросе, где выпускались в обращение «имитации» солидов, циркулирующие на территории, вышедшей из-под юрисдикции Византии и контролируемой, вероятно, политически и экономически хазарами [Герцен, Сидоренко 1988, 130-131]. Следуя этой интерпретации, А. И. Айбабин подчеркивает установление хазарского протектората в Готии и ее независимость от Византийской империи [Айбабин 1999, 211; 2002, 31]. С такими заключениями, в полном объеме, трудно согласиться. Во-первых, находки из Чамну-бурунского «клада» пока являются единственными примерами варварских подражаний солидам, найденными на Мангупе, несмотря на многолетние археологические работы на памятнике. Поэтому вывод о существовании здесь центра по их производству требует дополнительных обоснований. Во-вторых, из факта появления чеканки «имитаций» византийских золотых монет в Доросе или где-то в другом пункте Крымской Готии совершенно не следует обязательная связь с установлением зависимости региона от хазар. Несомненна лишь политико-административная обособлен-

ность Дороса в это время, которая была отмечена в свое время Прокопием Кесарийским в виде «союзнического» статуса области, населенной готами, по отношению к Византийской империи [Иванов 1987, 28-29], а в более позднее время – Феофаном и Никифором при описании бегства Юстиниана II из Херсона в крепость, недоступную византийским властям, но еще не контролируемую хазарами [Чичуров 1980, 62, 163]. В-третьих, распространение варварских подражаний VI-XI вв. на территориях Северного Причерноморья, сопредельных с византийскими провинциями, а также сам факт «имитации» варварами солидов с изображениями византийских императоров, свидетельствует о провизантийской торгово-экономической ориентации этих областей. «Подражания» в этом случае были призваны, вероятно, восполнить дефицит денежной массы во время контактов населения византийских центров и соседних народов. В-четвертых, наличие у варваров собственно византийских золотых монет, ставших образцами для производства «имитаций», обычно свидетельствует об определенной политической и дипломатической активности византийской администрации и армии на этих территориях [Haldon, Kennedy 1980, 90-91; Haldon 1995, 80-82].

Таким образом, анализ имеющихся в нашем распоряжении источников по истории Таврики конца VII – середины VIII вв. показывает, что для указанного периода времени нет оснований говорить об установлении хазарского господства или даже «протектората» на полуострове в это время. Наиболее важные приморские центры (Херсон, Боспор, Сугдея) продолжают сохранять провизантийскую политическую, идеологическую и торгово-экономическую ориентацию, а горные области Крымской Готии – традиционный «союзный» статус по отношению к империи. Тем не менее, появление в степной зоне юга Восточной Европы с середины VII в. нового фактора политической стабильности, к каким являлся Хазарский каганат, не могло не учитываться византийской дипломатией. Военно-политический союз Византии и хазар поддерживался в Северном Причерноморье не только обычными инъекциями имперского золота и богатых даров кочевнической знати, иногда династийными браками, но и введением при Юстиниане II в Херсоне и на Боспоре режима кондоминантного управления, который заключался в демилитаризованности и совместных доходах от торгово-таможенных операций в пределах округов.

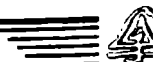
В заключение следует отметить еще один момент. Безусловно, гипотеза о «кондоминиуме», как основной составляющей взаимоотношений Византии и хазар на территории полуострова не только в конце VII – начале VIII вв., но и в дальнейшем, не означает прекращения дискуссии вокруг проблем политико-административного статуса областей Таврики, затронутых ими. Она лишь представляется наиболее перспективной среди других существующих, так как отражает по сути как обоюдный контроль империи и каганата в контактной зоне, так и сохранение значительной самостоятельности местных правителей, в первую очередь, в области внутренней политики

Литература

- Айбабин А. И. Могильники VIII - начала X вв. в Крыму // МАИЭТ. 1993. Вып. 3.
Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

- Айбабин А. И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып. 7
- Айбабин А. И. На окраине византийской цивилизации (Византийский Крым) // Алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. Киев, 2002.
- Айбабин А. И. Крым в VIII-IX вв. Хазарское господство // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV-XIII вв. М., 2000.
- Алексеенко Н. А. Моливодовулы адресантов Херсона VII - XI вв. (новые находки) // Древности - 1996. Харьков, 1997.
- Алексеенко Н. А. Провинциальный Херсон в сфере интересов византийского двора по данным императорских моливодовулов // Древности - 1997-1998. Харьков, 1999.
- Алексеенко Н. А. Моливодовул комита Опсикия начала VIII в. из Хврсонеса // АДСИ 1999б. Вып. 30.
- Алексеенко Н. А. Архонтия Херсона VIII-IX вв. по данным сфрагистики // МАИЭ 2002. Вып. 9.
- Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
- Архимандрит Антонин. Заметки XII - XV вв., относящиеся к крымскому городу Судак (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре // ЗООИД. 1863. Т. 5.
- Баранов И. А. Розкопки салтово-маяцкого поселения на р. Зуї в Крыму // Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Київ, 1972. Вип. 4.
- Баранов И. А. Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма Плиска - Преслав. София, 1981. Т. 2.
- Баранов И. А. Сугдея VII - XIII вв. К проблеме формирования средневекового города // Труды V Конгресса славянской археологии. М., 1987
- Баранов И. А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989.
- Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.
- Баранов И. А. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблеми на прабългарската история и култура. София, 1991. II.
- Баранов И. А., Майко В. В. Среднеднепровские элементы в культуре населения раннесредневековой Таврики // Старожитності Русі - України. Київ, 1994.
- Баранов И. А., Майко В. В. Пастирско-пенковската култура и проблемът за разселването на прабългарските племена от Средното Поднепровие и Таврика // Българите в Северното Причерноморие. Велико Търново, 1995. Т. 4.
- Баранов И. А., Майко В. В., Джанов А. В. Раскопки средневековой Сугдеи // АИ 1994 г. Симферополь, 1997.
- Баранов И. А., Степанова Е. В. Церковная и военная администрация византийской Сугдеи // Археология Крыма. 1997. №1.
- Баранов И. А., Майко В. В. Тюркское святилище Сугдеи // РА. 2001. №3.
- Баранов В. И. Судакские склепы // Историческое наследие Крыма. Симферополь 2003. №2.
- Бешевлиев В. К вопросу о награде, полученной Тервелем от Юстиниана II в 705 // ВВ. 1959. Т. 16.
- Бородин О. Р. Римский папа Мартин I и его письма из Крыма // Причерноморье средние века. М., 1991а.
- Бородин О. Р. Византийская Италия в VI - VIII вв. (Равеннский экзархат и Пент-

поль). Барнаул, 1991б.

Васильев А. А. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1902. Ч.2.

Васильев А. А. Готы в Крыму // ИГАИМК. 1927. Т. 5.

Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского // ЖМНП. 1876. № 1.

Васильевский В. Г. Русско-византийские исследования. Жития свв. Георгия Амастридского и Стефана Сурожского // Труды В. Г. Васильевского. Пг., 1915. Т.3.

Власова Е. В., Соловьев С. Л. Новые исследования хоры и некрополя Нимфея 1992-1995 годы // Археологические вести. 1996/1997. №5.

Гадло А. В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII – X вв. // Вестник ЛГУ. 1968а. Вып.3.

Гадло А. В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.) // КСИА. 1968б. Вып.113.

Гадло А. В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. // СА. 1969. №1.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа. Л., 1979.

Гадло А. В. К истории Восточной Таврики VIII – X вв. // АДСВ. 1980. Вып.17.

Гадло А. В. Тмутороканские этюды. I // Вестник ЛГУ. 1989. Вып.1.

Гайдукевич В. Ф. Памятники раннего средневековья в Тиритаке // СА. 1940. №6.

Гайдукевич В. Ф. Раскопки в Тиритаке в 1935-1940 гг. // МИА. 1952. №25.

Гайдукевич В. Ф. Илурат // МИА. 1958. №85.

Герцен А. Г., Сидоренко В. А. Чамнубурунский клад монет-имитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // АДСВ. Вопросы социального и политического развития. 1988. Вып.24.

Герцен А. Г. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. Вып. 1.

Герцен А. Г. Византийско-хазарское пограничье в Таврике // История и археология Юго-Западного Крыма. Симферополь, 1993.

Герцен А. Г. К проблеме типологии средневековых городищ Юго-Западной Таврики // АДСВ. Византия и средневековый Крым. 1995. Вып.27.

Герцен А. Г. Ранневизантийские крепости Юго-Западной Таврики // Тезисы докладов Междунар. конф. «Византия и Крым». Симферополь, 1997.

Герцен А. Г. Крепость Дорос: византийско-хазарское пограничье в Таврике // Тезисы докладов Междунар. конф. «Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. К 100-летию со дня рождения М. И. Артамонова». СПб., 1998.

Герцен А. Г. Новые раннехристианские памятники из некрополей Мангупа // Тезисы докладов Междунар. конф. «Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность». Севастополь, 2001.

Герцен А. Г. Хазары в Доросе- Мангупе // Хазарский альманах. Харьков, 2002. Т.1.

Герцен А. Г. Дорос – Феодоро: от ранневизантийской крепости к феодальному городу // Материалы XI научных Сюзюмовских чтений. «Кумуляция и трансляция византийской культуры». Екатеринбург, 2003.

Голб Н., Прицак О. Хазарско – еврейские документы X века. М. – Иерусалим, 1997

Голден П. Б. Государство и государственность у хазар. Власть хазарских каганов / Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М., 1993.

Голенко К. В. Монеты из раскопок Государственного Исторического Музея в Херсо-

- несе (1958-1969 гг.) // СА. 1972. №4.
- Голофаст Л. А. Стекло ранневизантийского Херсона // МАИЭТ. 2001. Вып.8.
- Грандмезон Н. Н. Заметки о херсоно- византийских монетах // ВВ. 1986. Т.46.
- Дагрон Ж. Двуликий Крым (IV-X вв.) // МАИЭТ. 2000. Вып.7.
- Деяния Вселенских Соборов. СПб., 1996. Т.4.
- Джонс А. Х. М. Гибель античного мира. Ростов-на-Дону – М., 1997.
- Зайбт В. Государственная система управления Херсона в VII-VIII вв. // МАИЭТ. 2000. Вып.7.
- Занкин А. Б. Коллекция граффити на амфорной таре из раскопок в г. Керчи // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. Київ, 2001.
- Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Гончарная керамика VIII – IX вв. с сельской округи Боспора // Археология и история Боспора. 1999. Вып.3.
- Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // МАИЭТ. 2000. Вып.7.
- Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Исследование раннесредневековых памятников в окрестностях поселка Героевское // Боспорские исследования. 2001. Вып.1.
- Зубарь В. М., Сорочан С. Б. О положении Херсона в конце V – VI вв.: политический и экономический аспекты // ХСБ. 1998. Вып.9.
- Иванов С. А. Понятия «союза» и «подчинения» у Прокопия Кесарийского // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987.
- Иванов С. А. Житие Стефана Сурожского и хазары // Тезисы докладов II Междунар. коллоквиума «Хазары». М., 2002.
- Каждан А. П. История византийской литературы (650-850 гг.). СПб., 2002.
- Коковцов П. К. Еврейско – хазарская переписка в X в. Л., 1932.
- Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
- Кулаковский Ю. А. История Византии. СПб., 1996. Т.3.
- Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Киев, 2002.
- Кычвнов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
- Лев Дивкон. История. М., 1988.
- Лихачев Н. П. Молиадовулы греческого Востока. М., 1991.
- Макарова Т. И. Средневековый Корчев // КСИА. 1965. Вып.104.
- Макарова Т. И. Археологические данные для датировки церкви Иоанна Предтечи в Керчи // СА. 1982. №4.
- Мварова Т. И. Боспор – Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. Киев, 1991.
- Макарова Т. И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. 1998. Вып. 6.
- Масуди. Золотые копи и россыпи самоцветов. М., 2002.
- Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Могаричев Ю. М. К вопросу о политической ситуации в Таврике в середине IX в. / СРЮ. 2002. №4.
- Могаричев Ю. М. О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // ХСБ. 2004. Вып.13.
- Науменко В. Е. Место Боспора в системе византийско-хазарских отношений // БИАС

Симферополь, 2001. Вып.2.

Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VIII – середине IX вв. // ПИФК. 2002. Вып. 12.

Науменко В. Е. Хазарский «тудун» в Херсоне в начале VIII в.: византийская версия // МАИЭТ. 2003. Вып. 10.

Науменко В. Е. К вопросу о времени и обстоятельствах образования Хазарского каганата // Хазарский альманах. Харьков, 2004. Вып.2.

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. 1883. №3.

Пономарев Л. Ю. К изучению салтово-маяцких памятников Керченского полуострова // Боспор Киммерийский на перекрестье греческого и варварского миров. Материалы I Боспорских чтений. Керчь, 2000.

Пономарев Л. Ю. К топографии раннесредневекового Боспора (VI-XII вв.) // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы III Боспорских чтений. Керчь, 2002.

Пономарев Л. Ю. К характеристике салтовского керамического комплекса поселений Керченского полуострова // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV-Боспорских чтений. Керчь, 2003а.

Пономарев Л. Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // Боспорские исследования. 2003б. Вып.3.

Романчук А. И. Торговля Херсонеса в VII – XII вв. // Byzantinobulgarica. Sofia, 1981 Т.7.

Романчук А. И., Сазанов А. В., Седиков Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.

Романчук А. И. К истории Херсона VII в. // АДСВ. 2000. Вып. 31.

Сазанов А. В. Хронология слоев средневековой Керчи // ПИФК. 1998. Вып. 5.

Сазанов А. В. Города и поселения Северного Причерноморья ранневизантийского времени: Автореф. дис...докт. ист. наук. М., 1999.

Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII – начале VIII вв. // ПИФК. 2002. Вып.12.

Седикова Л. В. Керамическое производство и импорт в Херсонесе в IX в.: Автореф. дис...канд. ист. наук. М., 1997.

Сидоренко В. А. Монетная чеканка Боспора 642-654 гг. // Тезисы докладов Междунар. конф. «Византия и Крым». Симферополь, 1997.

Сидоренко В. А. Медная чеканка византийского Боспора (590-668) // МАИЭТ. 2003 Вып.10.

Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.

Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.

Соколова И. В. Византийские печати VI – первой половины IX вв. из Херсонеса // ВВ. 1991. Т.52.

Соколова И. В. Византийские печати из Херсонеса // АДСВ. 1992. Вып.26.

Сорочан С. Б. О торгово-экономической политике Византии в Таврике VII – IX вв. / Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1995.

- Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000.
- Сорочан С. Б. Боспор как византийско-хазарский кондоминиум // *Материалы II Боспорских чтений. «Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья»*. Керчь, 2001а.
- Сорочан С. Б. Византия IV – IX вв.: этюды рынка. Харьков, 2001б.
- Сорочан С. Б. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // ПИФК. 2002. Вып. 12.
- Сорочан С. Б. Сугдея в «темные века» // *Сугдейский сборник*. Киев-Судак, 2004а.
- Сорочан С. Б. Еще раз о письмах папы Мартина I и о положении византийского Херсона и его климата // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. Сборник научных материалов V Боспорских чтений*. Керчь, 2004б.
- Степанова Е. В. К вопросу о Судакском архиве печатей // *Тезисы докладов VIII научных Сюзюмовских чтений «Византия и Крым. Проблемы городской культуры»*. Екатеринбург, 1995.
- Степанова Е. В. Судакский архив печатей // *Археология Крыма*. 1997. Т.2.
- Степанова Е. В. Новые находки из Судвкского архива печатей // *Сугдея, Сурож, Солдайя в истории и культуре Руси-Украины*. Киев – Судак, 2002.
- Сухобоков О. В. Дніпровське лісоствепове Лівобережжя у VIII – XIII ст. Київ, 1992.
- Фронджуро М. А. Раскопки в Судак // *Феодальная Таврика*. Киев, 1974.
- Цанкова – Петкова Г. О территории Болгарского государства в VII-IX вв. // *ВВ*. 1960. Т.17.
- Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // *БИАС. Симферополь*, 1997. Вып. 1.
- Цукерман К. Венгры в стране Леведия: новая держава на границах Византии и Хазарии ок.836-889 гг. // *МАИЭТ*. 1998. Вып.6.
- Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.
- Шандровская В. С. Таможенная служба в Сугдее VII-X вв. // *АДСВ. Византия и средневековый Крым*. 1995. Вып.27.
- Шене Ж.-К. Поздний архонт на примере Херсона // *МАИЭТ*. 2000. Вып.7.
- Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // *МИА*. 1958. №85.
- Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес // *МИА*. 1959. № 63.
- Darrouzis J. *Notitiae Episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae*. Paris, 1981.
- Dunlop D. M. *The history of the Jewish Khazars*. Princeton- New Jersey, 1954.
- Etimologicon Magnum*. Amsterdam, 1967.
- Golden P. B. *Khazar Studies: an Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars*. Budapest, 1980. V.1.
- Guiland R. *L'Eparque de la Ville // Byzantinoslavica*. 1980. T.41.
- Haldon J. F., Kennedy H. *The Arab- Byzantine Frontier in the Eighth and Ninth Centuries: Military Organisation and Society in the Borderlands // ЗРВИ*. 1980. T.19.
- Haldon J. F. *Some Considerations on Byzantine Society and Economy in the Seventh Century // Haldon J. F. State, Army and Society in Byzantium. Approaches to Military, Social and Administrative History, 6th-12th Centuries*. London, 1995.
- Herrin J. *The context of iconoclast reform // Iconoclasm*. Birmingham, 1975.

- Jenkins K. J. H. Cyprus between Byzantium and Islam // Jenkins K. J. H. Studies on Byzantine History of the 9th and 10th Centuries. London, 1970.
- Kyrris C. The Nature of the Arab-Byzantine Relations in Cyprus from the Middle of the 7th to the Middle of 10th Century A.D // Graeco-Arabica. 1984. V.3.
- Mango C. Nikephoros Patriarch of Constantinople. Short History. Washington, 1990.
- Moravcsik G. Byzantinoturcica. Berlin, 1958. Bd.2.
- Noonan T. S. Byzantium and the Khazars: a special relationship? // Byzantine Diplomacy London, 1992.
- Ohme H. Das Cosilium Quinisextum und seine Bischefslisten. Studien zum Konstantinopeler Konzil von 692. Berlin- New York, 1990.
- Oikonomides N. Les listes de preaseance byzantines des IXe et Xe siecles. Paris, 1972
- Oikonomides N. Silk Trade and Production in Byzantium from the Sixth to the Ninth Century: the Seals of Kommerkiarioi // DOP. 1986. V.40.
- Sazanov A. Les amphores de L'Antiquite Tardive et du Moyen Age: continuite ou rupture? Le cas de la Mer Noire // La ceramique medievale en Mediterranee. Actes du VI congres Aix-en-Provence, 1995.
- Stepanova E. New Seals from Sudak // SBS. 1999. V.6.
- Vasiliev A. A. The Goths in the Crimea. Cambridge- Massachusetts, 1936.
- Zuckerman K. On the date of the Khazar's conversion to the judalsm and the chronology of the Kings of the Rus Oleg and Igor // REB. 1995. T.1.

